

Членам ПБ
Тов. СТАЛИНУ.
Членам ПБ ЦК ВКП(б).
Тов. Н.Е ЖОВУ.

Дорогие товарищи!

Поздно вечером 30.XII.36 я получил целую серию показаний троцкистко-зиновьевских бандитов. Нельзя без смущения и безграничного негодования читать про подвиги этих бывших людей, торгующих партией, страной, распродавших ее врагам. Убийцы и торговцы кровью страны - нет им имени. Особо ужасно было мне читать показания Радека, оказавшегося таким чудовищем. Чтоже стоит поиграть им честью (и даже жизнью) одного, другого, третьего, раз они играют в "мировом масштабе" свою кровавую игру?

Я, собирая вновь последние силы, пишу, замечания на полученную мною папку документов (2 допроса Пятакова, 2 допроса Сокольникова, 2 допроса Радека, 1 Муралова, 1 Князева, 1 Кудряшова). У этих троцкистов по сути дела одна "установка": белый террор, привод иностранных войск, распродажа социалистической родины и измена. Несмотря на страшную моральную тяжесть, испытываемую мной из-за гор клеветы этих кровавых собак, иногда мне делается просто смешно, что меня хотят так или иначе связать с такими людьми. Думаю, что и среди членов ПБ не найдется товарищей, которые всерьез могут заподозрить меня в таких установках.

1. Причина игры моим именем.

В своем письме членам ПБ, написанном мной тотчас приезде из Азии, я указывал, как на причину игры моим именем, на желание троцкистов-зиновьевцев повысить свой между-

народный авторитет, создать добавочную рекламу Троцкому, за которым де идут "все старые большевики", как клеветнически утверждают наши враги.

Показания, присланные мне 30.XII, подтверждают это целиком и полностью.

В протоколах допроса Радека от 4-5-6.XII, стр.17, представитель немцев, Баум, говорит:

"Гитлер знает взгляды господина Троцкого на возможность германо-советского сближения, но он, Гитлер, не верит эмиграции вообще и имеет большие сомнения, выражают ли взгляды господина Троцкого больше, чем его мысли, когда ему не спится в эмиграции. Удельный вес Троцкого в СССР Берлину неизвестен и неизвестно, отвечают ли эти взгляды мнению тех кругов в СССР, которые не находят адекватного выражения в политике советского правительства"...

Радек это расшифровывает, в первый раз упоминая о правых: немцы де желают знать и о правых.

Я не буду здесь снова повторять, что давным давно себя правым не считаю. Здесь - другая тема. Троцкистам для своей торговли нужны оказались добавочные, не троцкистские и не-зиновьевские имена. Так создан был миф о моем каком-то касательстве: у меня, ведь, есть известное имя за границей и в СССР - значит, троцкисты-зиновьевцы стали торговать мной, без всякого, разумеется, моего ведома о том. Да и теперь - думаю - когда они продолжают тактику Каменева-Зиновьева, они продолжают стараться склеивать разбитый

авторитет Троцкого, бегущего в Мексику после провала всей его подлой и кровавой авантюры.

2. "Платформа".

Из показаний Радека и Пятакова яствует, что они не могли де взять на себя ответственность за последние, наиболее гнусные, директивы Троцкого. Вряд ли можно здесь им верить, ибо то, что они уже делали, превосходит всякое воображение. Но я хотел бы остановиться на некоторых предпосылках всей их "работы".

Из тех же показаний видно, что для Троцкого и его сторонников, зиновьевцев, существеннейшими пунктами были:

- 1) якобы "провал" "социализма в одной стране";
- 2) якобы перерастание якобы "термидора" в якобы "сталинское государство";
- 3) перерастание "тезиса о Клемансо" в пораженчество и интервенционизм.

Они оказались настоящими термидорианцами и накликателями интервенции, союзниками "Священного Союза" самых реакционных иностранных государств против государства социализма.

Так вот: нужно совершенно не знать истории нашей партии или нужно нагло и цинично лгать, чтобы припутывать мое имя, прямо или косвенно, к этакой платформе даже в ее эмбриональном состоянии. Ибо можно проследить по всей литературе за ряд долгих лет, от годов моей совместной борьбы с ЦК против Троцкого вплоть до самого последнего времени, что

у меня не было ни намека даже на исходные пункты этих "теорий".

Между тем (см. протокол допроса Пятакова от 23.XII.36, стр.11) Каменев рассказывает Пятакову, что они "легко договорились" с правыми на общей цели:

1) Свержение Сталина и сталинского режима.

2) Отказ от построения социализма в одной стране.

Правда, Каменев не говорит, с кем, когда, где шел разговор и "договор". Каменев отказывается отвечать Пятакову о платформе более конкретно, говоря, что это придет после власти (ему, очевидно, нечего было более и сказать: не хватило фантазии на сочинительство). Но эта постановка во главу угла отрицания социализма в одной стране сразу показывает ослиные уши клеветников. Ибо, хотя моя старая (оппозиционная 1928/29) позиция и приводила об"ективно к реставрации капитализма и, след., к уничтожению социализма в одной стране, но никогда суб"ективно я не согласился бы с троцкистской формулой против социализма в одной стране. Здесь явно обнаруживается придуманность и внутренняя живость утверждений о каком-то, хотя бы и отдаленном, моем касательстве к этим установкам.

3. Состав троцкистско-зиновьевских центров.

В показаниях Радека (протокол от 4-5-6.XII.36, стр.5 и 7) значится, что

1) "в состав центра троцкистско-зиновьевского блока входили: Зиновьев, Каменев, Бакаев, Евдокимов, Смирнов И.Н., Мрачковский, Тер-Ваганьян".

На вопрос: "Известно ли вам об участии в центре еще кого-либо?", Радек отвечает отрицательно.

2) В параллельный центр входили Пятаков, Сокольников, Серебряков, Радек. Так показывает Радек.

При этом нужно заметить, что и по показаниям Радека, и по показаниям Пятакова, выходит, что этот новый центр должен был быть чисто-троцкистским, обеспечивающим "гегемонию" троцкистов в троцкистско-зиновьевском блоке, что на это была получена специальная санкция Троцкого, боявшегося уступить слишком много зиновьевцам.

В показаниях Пятакова (23.XII.36) мы читаем (стр.14), что он, Пятаков,

"дважды встречался в 1935г. с Сокольниковым, два или три раза с Радеком, также с Серебряковым, встречался далее с Томским, который формально, хотя и не являлся членом центра, но по существу дело шло к тому, что центр сложился с участием правых. Мне известно, - продолжает Пятаков - что Сокольников поддерживал связь с Радеком и также встречался с Томским. Кажется, были встречи Радека с Серебряковым (а из правых - с Бухариным)".

Я не могу отвечать за Томского, хотя его, якобы, одобрение "платформы" диверсантов и интервентов кажется мне и сейчас предположением невероятным. Но я не могу не отметить следующих странных пунктов:

1) Каким образом Томский якобы был привлечен именно к чисто-троцкистскому центру?

2) Что значит, что он формально не был, а фактически был? Ведь "формы" вообще никакой не было. Что значит это различие?

≡ Kontakt

3)Что значит, далее, двойное, и в то же время единовременное, утверждение:

- а)с одной стороны - "по существу дело шло" (только еще шло) к участию Томского;
- б)с другой стороны "центр (уже) сложился"(прошедшее время)"с участием правых".

И наконец, 3 вариант: Сокольников на очной ставке со мной утверждал, что Томский вшел в центр, да еще с мандатом от Рыкова и от меня.

Здесь все непонятно: как же это три участника центра (из 4-х) не знают, из кого и как он, этот центр, состоит.

Повторяю еще раз: я не могу нести ответственности за Томского. Возможно, что он о чем-то разговаривал (но о чем?). Прямой ложью является утверждение, вкладываемое Сокольниковым в уста Томскому о моем "согласии": я с Томским никогда ни о каком таком центре не разговаривал, и в 1935 году, и позднее, ни я у него, ни он у меня ни разу не были.

Это обстоятельство заставляет меня скептически относиться к показаниям троцкистов о Томском вообще. Но здесь уж нельзя получить ничего от самого Томского.

Обращаю внимание на то, что Троцкий в разговоре с Пятаковым, заявил, что нельзя говорить всего. Другими словами: была иезуитская организация: 1)Tr."знал все" на счет установок, другие - $\frac{1}{4}$, третьи - $\frac{1}{2}$ и т.д. Может быть, с Томским говорили отнюдь не о терроре и т.д., а о других вещах, а на основании этого пустили в оборот, что он "вшел в блок".

Но это - догадки.

Здесь я хотел еще раз со всей силой подчеркнуть, что Томский никогда со мной не говорил о вышеупомянутых предметах, и что я абсолютно ничего не знал ни о каких троцкистских центрах и ни о каких их намерениях.

4. Чей же блок?

Я обращаю сугубое внимание товарищай на одно чрезвычайно существенное обстоятельство. Если прочесть все присланные документы сразу и подряд, поражает - в вопросе о "правых" - тот факт, что они как то механически, небольшим привеском, искусственно привешены к троцкистско-зиновьевскому блоку. Все время речь идет о троцкистко-зиновьевском блоке, а не о троцкистско-зиновьевско-правом. Можно было бы подсчитать число этих терминов. Но, ведь, этот словесный факт, несомненно, отражает какую-то реальность, т.е. какой-то реальный факт.

Можно поставить вопрос и по-другому. Предположим, что вся б.правая верхушка действительно оказались подлецами и вошли в "блок". Но почему же тогда им держаться на "за-дворках"? Ведь, они должны были бы тогда считать себя особой силой, да еще более "почвенной", чем троцкисты.

Откуда же такое смижение, что они никуда не входят и ни на что не претендуют?

*Со мной
Будет*
Все это непонятно. А все от того, что (не касаюсь отдельных лиц) это насочинено и налгано.

Наконец, подхожу к вопросу с третьей стороны. В присланных документах троцкисты и зиновьевцы действуют, говорят,

получают директивы, имеют людей и т.д. А правых не видать, кроме известной дозы Томского. В частности я фигурирую как сухое имя, как бестелесная абстракция. Имя мое есть, а меня-нет. А где же моя "сила"? Люди? Багаж, с которым я-де "пришел"? Ничего нет.

Случайно ли это? Нет, не случайно. Ибо миф есть миф.

Интереснее всего следующее.

Пятаков, который разыграл меня с "платформой" в начале моей оппозиции, заявляет(на очной ставке со мной), что он мне рассказывал с 1931 года и о директивах Тр.; показывает, что Каменев ему рассказал о договоренности с правыми еще в 1932г.; показывает, далее, что их центр сложился "при участии правых".

А на стр.26 допроса Пятакова от 23.XII, мы читаем, что Троцкий ругается, что его сторонники все еще дискутируют вопрос о правых и дает (в 1935 году!) директиву: "Пусть на первых порах это будет (будет!!) контакт (контакт!)".

А на стр.21 допроса Радека (от 4-5-6.XII) мы читаем следующее изречение Троцкого: "Если придет дело к войне, то ряды троцкистов и зиновьевцев расширятся притоком из правых кругов".

Разве не видна полная неслаженность вранья?

Еще в 1931 г. Троцкий (см. показания Пятакова от 23.XII, стр.8) дает директиву:

"Установить контакт с правыми, нащупывать и об"единять все антисталинские элементы..." и т.д. А в 1935 году он дает директиву о том же контакте.

Что это значит? Значит, на деле никакого "контакта" не было, а был миф, нужный для поддержания фирмы. Поэтому негодяи и распространяли про меня слухи о том, что я "притаился" и т.д.

Что они "мечтали" завербовать меня в свою мясную лавочку, не исключаю. Это даже вероятно. Но реально "сие от них не зависело", ибо у меня своя голова, и она ничего общего не имеет с кровавой фашистской начинкой троцкистско-зиньевьевских голов.

5. Конкретно про меня.

Конкретно моя фамилия упоминается в одном из присланных документов (Пятаков, 23.XII.36), но пять раз.

- I. Стр.3: Троцкий здесь говорит (1931г.), что ему известно, что Бухарин и др. "притаились". Это общее обвинение не конкретного свойства. О нем ниже.
- II. Стр.10: Каменев сказал, что у центра "установилась связь с правыми (Бухарин, Р.Т.)". По поводу "связи" с Каменевым я писал в 1-ом письме ПБ. Ни о каких политических соглашениях, связях, оппозиционных мнениях с моей стороны не было и намека. Прощу также помнить, что К-в разыграл меня достаточно в начале оппозиции.
- III. Стр.14. Пятаков говорит, что "кажется" Радек встречался в 1935г. с Бухарином. Догадка остроумная: Пятаков, как и все, отлично знал, что Радек работает в "Известиях" со мной.
- IV. Стр.26. Троцкий "интересуется" рядом лиц, в том числе мною. Это возможно, что он "мечтал".
- V. Стр.27: Троцкий дает директиву не ослаблять "связи" со мною и другими.

Я думаю, что в значительной мере реально речь шла о том, чтобы была возможность какой-то физической связи, ибо Тр. мечтал, что в случае войны под его знамена потекут полки! Дурак! Преступник!

Теперь несколько общих слов.

Товарищи! Прошу вас подумать о следующих фактах.

1. Когда я был в оппозиции, я и то боялся развития борьбы и все время меня упрекали в "нерешительности". Это вы знаете хотя бы из показаний Куликова на очной ставке.
2. Вы знаете также, что моя оппозиционность лежала по линии крестьянского вопроса.

Теперь этот вопрос решен - кто же этого не видит. Даже троцкисты не надеются на массы, ибо это безнадежно.

И что же, можно думать про меня, что я боялся борьбы, когда многое колебалось, и развертываю ее конспиративно теперь, когда

- 1) мутивший меня вопрос решен давным давно;
- 2) когда миллионы стоят за партией, вся страна;
- 3) когда руководство консолидировалось, как прочнейшая сила.

Нет, это не укладывается ни в какие логические границы! А между тем в развитии всех групп есть своя логика: я уже указывал на то, куда и как переросли более ранние троцкистские лозунги. Для вдумчивого человека разбор этой стороны вопроса крайне существенен. И мне кажется, что на эту сторону необходимо обратить известное внимание.

- 11 -

Разумеется, я не исключаю того, что какие-нибудь из бывших правых перескочили на другие рельсы. За правыми ведь шло много самых разнообразных людей (не в смысле организационном, а в смысле широких настроений). Но нужно считаться все же с тем, что у меня то всегда был повышенный интерес к теории, и из нее я исходил, даже когда ошибался. Перескочить на троцкистские рельсы, да еще в теперешнее время, для меня было бы так же невозможно, как для грушевого дерева заболеть оспой.

6. О Пятакове и Радеке.

Особенно ужасно было читать мне показания Радека, который меня так ловко провел за нос (как, впрочем, и многих других). Пятакову я вообще не очень верил. Пятаков, когда я работал у Серго, всячески саботировал все мои начинания (когда это от него зависело) по овладению техникой и наукой. Теперь это находит свое об"яснение (это было тоже вредительством). С Пятаковым меня не было ни одного политического разговора, с Радеком – многие. Но Радек искусно разыгрывал роль партийца. Интересно то, что я сказал как-то Радеку свое мнение о Пятакове (это было до моего от"езда в отпуск), т.ч., вероятно, Пятаков был осведомлен им об этом.

Хочу отметить здесь некоторые высказывания Радека, которыми он меня "обволакивал", чтобы я был убежден в его партийности.

1) Он всегда необычайно расхваливал Сталина со всех сторон. "Сталин – 9/10 нашей победы".

2) Он страшно ругал некоторых (безымянно)"старых б-ков", которые не понимают необходимости всегда и всемерно подымать авторитет Сталина: ибо этого требует централи-

зация власти и руководства во время войны.

3) Он всегда демонстрировал свою близость к тайнам дипломатии, к прямым директивам Сталина и т.д.

4) Он обнаруживал всегда страшное беспокойство за сохранность Ст., говоря о своих подозрениях, что, возможно, в ГПУ есть польские агенты дефензивы, что раньше поляки, сидевшие там, использовали "органы" в целях фракций борьбы, что, с другой стороны, все, что там делается, известно у поляков за границей, у штаба и т.д.

5) Он рассказывал мне, что сын его жены предупреждал в свое время против Мандельштама (расстрелянного по Кировскому делу), но ему не вняли.

6) Он всегда говорил, что его личным счастьем было бы работать близко со Сталиным.

7) Он не делал вида, что у нас все хорошо, но всегда сложными рассуждениями приходил к партийному решению вопроса.

8) Он высказывал тревогу по поводу того, что не всюду у нас сидят надежные люди: напр., он говорил, что у него есть подозрения против зама Розенгольца, Лугановского, как польского агента, да еще сидящего на военных заказах; когда я спрашивал его, почему он не напишет Ст-у, он отвечал, что писал (или говорил); что это его страшно тревожит:

9) Он все время внушал мне мысль, что польские агенты в ГПУ могут против него, Радека, предпринять ряд шагов: оговоры, клевета и т.д., что он может очутиться жертвой польской дефензивы.

10) Он страшно ругался, когда его жена пропустила к нему Мрачковского, говорил мне, что дал распоряжение его не принимать больше (см. мое первое письмо в ПБ).

11) Когда я приехал из отпуска (тотчас после троцк.-зин. процесса) он мне позвонил, выразил сочувствие, уговаривал ходить на партсобрания и был страшно "партиен".

12) Он все время приглашал меня верить, что Сталин все разберет.

13) Он перед арестом просил передать через свою жену, чтобы она сказала мне от его лица: пусть Николай не верит никаким оговорам, он, Радек, чист перед партией, как следа. И т.д.

Словом, он все время "убеждал" меня в своей глубокой партийности, и при том не казенной и так сказать штампованной, а выстраданной и продуманной. К сожалению, он меня тогда в этом убедил. Для чего - спрашивается - нужно было все это делать, если я был бы его соучастником??!

После того, как я стал обектом клеветы и после того, как первый раз я услышал чудовищные обвинения со стороны Сокольникова, я подумал что и Радек мог попасть в такое же положение (тем более, что Радек искусно подготавлял почву рассказами о польских агентах в ГПУ). (Кстати сказать, при всем моем доверии тогдашнем к Радеку, я ему ни слова не сказал ни о содержании своего письма в ПБ, ни о факте и содержании очной ставки с Сокольниковым).

Радек пытался однажды подмочить в моих глазах все обвинения против Троцкого, сказав, что невозможно, чтоб Тр. пошел на террор и т.д. Я сказал, что я считаю это возможным, ибо этот человек, считающий себя Мессией, стоящим "по ту

сторону добра и зла", всегда был парадоксалистом в политике: если Ленин за переворот, то он защищает заговор; Ленин ехал в запломбированном вагоне - почему ему Троцкому, не писать в буржуазной прессе; Ленин был смел на поворотах - так как же не быть "смелым" Троцкому. Только Тр. не видит, что он делает контрреволюционные фашистские дела. Радек тотчас приумолк и согласился.

Теперь я понимаю, напр., почему Радек так настаивал на посылке Ромма из Вашингтона в Лондон. Теперь понятно, почему он так усиленно подчеркивал, что Ромм - наш разведчик (как раньше то, что Гаус - в 1У Управлении). И т.д. Но все это было мне невдомек. Я очень хорошо относился к Радеку, нимало не подозревал его.

Может быть, он при мне нарочно разыгрывал сцены: так напр., однажды на приеме в польском посольстве он вдребезги изничтожил Отмара, очень грубо и язвительно. Не раз при мне он издевался над буржуазными людьми, в мере дозволенного и даже больше.

А оказался прямо раздельщиком нашей страны!

Х

Х Х

Пишу в новогоднюю ночь и в новогодний день. Я прямо задыхаюсь от всей этой паутины, которой хотят злодеи залепить мне глаза и меня изничтожить. Но, несмотря на свою физическую слабость и нервное расстройство, я, пока жив, буду обороняться от клеветы и надеюсь, что правда победит.

С комм. приветом Н. БУХАРИН.

Р.С. Один частный вопрос. У Пятакова есть место, что Томский "передал" ему Норкина, как "своего". Мне же вспоминается, что Норкин был как раз человеком, который вел бешеную кампанию против Томского в Главхимпроме и способствовал его высадке оттуда. Может, я что-либо спутал и ошибаюсь. Но это стоит проверить.

1 января 1937 г.